

Кудрявцева: сорока-белобока поможет воспитать успешного билингва

© РИА Новости. Александр Натрускин

Почему российским детям в детских садах не стоит изучать английский язык? Как Пушкин адаптировал "Сказку о рыбаке и рыбке" под русское национальное сознание? Почему трудно перевести на немецкий русскую сказку "Репка"? Об этом и многом другом рассказала ведущий эксперт по билингвизму Екатерина Кудрявцева.

Ведущий эксперт по билингвизму, научный руководитель международных сетевых лабораторий "Инновационные технологии в сфере поликультурного образования" Екатерина Кудрявцева в интервью корреспонденту РИА Новости Юлии Осиповой рассказала о языковом воспитании от 0 до 16.

– Екатерина Львовна, каким образом в новорожденного ребенка закладывается родной язык?

– Ребенок рождается не в язык, а в культуру, в семью, являющуюся хранителем, носителем и передатчиком конкретного этнокультурного наследия: традиций, норм поведения, питания, одежды и т.д. Даже нормы взращивания этого самого ребенка и представления об идеальном ребенке в каждой культуре исключительно индивидуальные.

На первом этапе развития малыша именно вербальное и тактильное воздействие на него воплощает и реализует этнолингвокультурный компонент. Пальчиковый массаж, потешки, прибаутки, приговоры — у каждой культуры собственное содержание, которое в доходчивом виде и игровом формате передается из поколения в поколение. Это именно те нормы, которые данная культура пестовала много веков подряд.

– Выходит, что сорока–белобока неспроста на детской ладошке появилась?

– Ох, как неспроста! И то, что она именно кашку варила, печку топила и деток кормила, и то, что одному не досталось... — все это исконно русская, славянская специфика. В других культурах "кашкой" кормить не будут, как и "поскребышки" собирать. А уж, какая вариативность этой игры-потешки собрана у Даля!

В Германии недавно пытались перевести нашу "Репку" для демонстрации в детском театре без учета этнокультурного контекста. Ничего не получилось. В немецком языке есть один овощ – кормовая репа. И то, что у нас называется "кашей из репы", в Германии дают животным зимой, когда нет другого корма. Та же история – с "Теремком", труднопереводимым как понятие неотрывное от русской национальной картины мира.

Сказки – очень сжатая информация, которая необходима для выживания данной нации в данной среде. Носитель языка просто обязан сказительствовать, воспитывая свое чадо. Первичны сказки о животном мире, затем – бытовые сказки, а уже потом идут волшебные сказки, самые молодые. В волшебных сказках большое количество кочевых сюжетов (сколько в мире "Золушек" и "Красавиц и чудовищ", именуемых различно), знание которых

готовит растущего человека к тому, что и он может перейти в другую культуру и обрести в ней свои корни.

– Не могли бы Вы привести пример того, как сказка отражает этнокультурную специфику?

– Возьмите "Сказку о рыбаке и рыбке". Фактически эта сказка "О рыбаке и его жене" была рождена на территории нынешней Германии в Вольгасте тогда, когда на берегу Балтики жили славянские поселения, и записана братьями Гримм. Рыбка – камбала, она же – заколдованный принц.

Затем сюжет перекочевал во Францию, сохранив форму и содержание: сказка про недобрую и ненасытную старуху, которая в итоге осталась у разбитого корыта. В немецком и французском вариантах вершина желания этой старухи — стать кайзером (императором), Папою Римским и Господом Богом. Причем, все желания, кроме последнего, камбала исполняет.

Пушкин переписывает сказку с учетом русской специфики. Он понимает, что кайзер и Папа Римский – не та вершина, к которой стремится русский человек. Совсем другое дело – "Владычица морская", ведь на Руси, несмотря на православие, по-прежнему распространено языческое отношение к стихиям. Желание же стать Господом Богом воспринялось бы русским человеком, как осквернение святыни. Таким образом, Пушкин снимает эти позиции: одну, как безынтересную, а другую, как неприемлемую для русского сознания. Он доводит сюжет до уровня носителя данной языковой национальной картины мира. И облекает в оптимальную, ритмизованную и рифмованную форму.

– Если сказки, потешки, прибаутки погружают ребенка в национальную культуру, как же быть маленьким билингвам, у которых две культуры, два языка, но одно "я"?

– С ними и играть нужно на двух языках, причем делать это именно так, как свойственно данным национальным культурам, а не просто "переводить" игру. Например, в Германии дети не водят хороводы или не играют в "Золотые ворота" так, как это делают российские дети. Не то, чтобы им это было

неинтересно, просто не приняты эти игры, как развивающие иное мировосприятие, иной национальный характер.

Интересно, что именно в диаспоре, в Испании, родилась методика Татьяны Смоляковой, названная "Мамина школа". Она учит будущих и настоящих мам, как в рамках русской этнокультуры правильно играть с детьми–билингвами вне России, начиная с потешек и прибауток и заканчивая ролевыми играми и играми куклой. Все это пошагово расписано – от рождения ребенка до десяти лет.

– Почему Вы против того, чтобы в детских садах в России детей обучали английскому языку? Разве это плохо?

– Плохо не то, что ребенок овладевает другим языком, плохо то, каким образом это делается в типичных российских детских садах. Я только "за", если носитель языка как родного (будь то китайский, английский, испанский или французский язык) погружает ребенка в этнолингвокультурную среду с учетом его онтогенеза, возрастных особенностей, сенситивных периодов развития.

Например, если у ребенка папа англичанин, мама русская; и папа разговаривает и играет с ним так, как это принято делать в Англии; а мама – так, как в России. Каждый – на своем языке в рамках своей этнокультуры. Ребенок впитывает в игровом действе английские и русские слова примерно в равной мере. Он их не выучивает, он их осваивает, и это замечательно.

Никто не против, если ребенок, живя в Москве, ходит в английский детский сад, где носитель языка его кормит, одевает, укладывает спать (то есть, режимные моменты проходят тоже на языке). Детский садик для него – ситуация и место общения на английском языке, а дом и улица – место общения на русском. Причем, напомню, это может и должен быть не только английский язык, но и испанский, итальянский, французский, немецкий, китайский. Кстати, китайский язык дает массу преимуществ с точки зрения детского восприятия и воспитания: в нем и мелкая моторика, и концентрация внимания, и усидчивость... За ним многовековая культура.

Таких примеров по России – множество, успешных садиков с погружением в разные языки, включая языки коренных народов России – татарский, удмуртский, и языки крупных диаспор – армянский, азербайджанский. Ведь билингвальный тип сознания формируется при присутствии в окружении ребенка различных этнолингвокультур, не обязательно англоязычной! Россия богата именно своим многоязычием.

Но специалисты категорически против того, чтобы трехлетнего ребенка два раза в неделю по 30 минут сажали в детском саду за парту и обучали любому языку неносители языка как родного. Причина: в этом возрасте ребенок не учит язык, а впитывает его, в той мере, в какой он ему близок, понятен и интересен, то есть, в игре, поскольку именно игра является ведущим видом деятельности.

– Вы полагаете, что изучение языка ради самого языка может навредить ребенку детсадовского возраста?

– Это приводит к тому, что на выходе из детского садика у него будет потраченное зря время, отнятое детство и неосуществленный аспект развития, который мог бы быть осуществлен, если бы это делалось правильно. Половинка огромного пространства, которое могло бы быть заполнено двумя культурами и двумя языками, существующими в диалоге в интересном игровом формате, окажется занята маленькой "кляксой". Ребенок может прийти в школу, где ему действительно уже нужно будет учить язык, с отсутствием интереса или даже отвращением к этому языку. Память детства очень сильна.

– А когда наступает возраст, когда ребенка можно и нужно именно обучать языку?

– Для уроков есть школа. Обучайте ребенка языку, его грамматическим нормам по учебникам и рабочим тетрадям с носителями языка как родного (хотя оптимален все же педагог-носитель) со второго, третьего, хоть с восьмого класса! Тут мы уже точно не навредим. Если учитель даже не владеет в достаточной мере этнокомпонентом, потом это можно будет

исправить при поездках в страну. Если у ученика есть мотивация, он многое способен усвоить самостоятельно, найти в интернете. О специфике чтения мультимедийного инокультурного текста мы сейчас говорить не будем – слишком значительная и серьезная тема, мало затрагиваемая пока в школе. Также опустим вопрос о возможном культурном шоке при изучении языков без участия их носителей в образовательном процессе.

– Почему в школьном возрасте языки не осваиваются, как при естественном билингвизме, а именно изучаются?

– У школьников не возникает глубокой эмоциональной привязки, которая бывает у ребенка в дошкольном возрасте. В начальной школе начинается период, когда язык связывается с личностью педагога, которому ребенок хочет или не хочет подражать. В средней школе объектом подражания становятся одноклассники. Как раз период между детским садиком и школой считается самым серьезным, вторым кризисом билингвизма. Если семейный язык не представлен в образовательной (ведущей теперь) деятельности ребенка, даже наличествующий билингвизм может постепенно "ослабеть", "слабый, семейный" язык – фоссилизироваться (замереть на уровне дошкольного возраста).

– В вузе билингвизм уже не вернуть?

– Японские специалисты говорят, что если до трех лет естественный билингвизм не сформировался, то потом второй язык будет иностранным языком. Европейские специалисты называют границу 6-7 лет. Я полагаю, что здесь все индивидуально, и даже допускаю ситуацию, что лингвистически одаренный ребенок, переехав в другую страну в 12 лет, способен освоить неродной язык на уровне родного. Безусловно, не без грамотной поддержки родителей по сохранению языка страны исхода и педагогов по расширению ситуаций общения на языке страны пребывания. И такие примеры есть в нашей с коллегами копилке.

Но все, что не было сформировано до вуза, в вузе уже не сформируется. Психологи говорят о пластичности мозга, которая к этому возрасту начинает

угасать. Педагоги говорят о том, что компетентностные зоны в этом возрасте уже сформировались, человек самоопределился. Фундамент заложен, дом построен, в вузе мы достраиваем крышу, покрывая ее черепицей. Если человек к этому периоду сохранил сбалансированный билингвизм, преодолев все кризисы, владея языками в письменной и устной форме, умея переключать экстралингвистические коды в рамках общения с носителями разных культур, то 90 процентов, что он пронесет свое двуязычие по жизни. А бизнес сегодня выбирает именно многоязычие и естественных билингвов.